

основано на реальных событиях

Павел Гросс

ЧЕРНОБЫЛЬ

зона отравления

Павел Гросс

ЧЕРНОБЫЛЬ. ЗОНА

ОГРАБЛЕНИЯ

<https://litres.ru/73936916>

SelfPub; 2026

Аннотация

От заведующего редакции альманаха фантастики Бориса Стругацкого "Полдень, XXI век"... Основано на реальных событиях...

Субботнее утро 1986 года. Катастрофа Чернобыльской АЭС. Ликвидаторы грабят в Припяти сберкассау 3046/035. Год спустя в Торжке все они загадочно погибают. Капитан РХБЗ Ковалев начинает собственное расследование, в результате которого обнаруживает, что из Чернобыля в наш мир пришла не только радиация, но и нечто необъяснимое...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	17
Глава 4	24
Глава 5	28
Глава 6	34
1987 год. Торжок.	34
Глава 7	39
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Павел Гросс

ЧЕРНОБЫЛЬ. ЗОНА

ОГРАБЛЕНИЯ

Глава 1

Произведение появилось на свет благодаря написанному одноименному киносценарию автора.

СССР

Припять.

Суббота, 26 апреля 1986 года.

5:30 утра.

Припять спала не тем здоровым крепким сном, который бывает после трудового дня, когда человек валится с ног от усталости и проваливается в черную тишину до треска будильника... Нет! Этот город спал странным, неестественным сном, каким спят только обреченные. Тишина в эту ночь стояла такая, что сердце уходило в пятки. Даже собаки не лаяли, а их в городе было довольно таки много. Тех же дворняг, привыкших попусту брехать по ночам на тоскливую Луну и обмениваться репликами с домашними псами. Да, хвоста-

тые сейчас молчали - чуяли нечто невообразимое... Не удивительно, ведь именно собаки чуют беду первыми - землетрясения за сутки до того, как сейсмографы начнут рисовать нервные линии, смерть... задолго до того, как она переступит порог дома. И вот сейчас они тоже молчали. Даже не скулили – вместо этого прятались в подвалах, забивались в самые дальние их углы и дрожали крупной дрожью. Ждали...

Воздух пах гарью и смертью, которая еще не пришла, но уже уселась в кресло, положив ноги на журнальный столик, и принялась ждать, как все местные собаки. Смерть не торопилась - у нее было много времени, потому что она уже знала: никто из живых никуда не денется...

Над четвертым энергоблоком Чернобыльской атомной электростанции курился дым. Не черный, не белый, а какой-то сизый, неестественный, подсвеченный изнутри багровым заревом, которое не могли скрыть ни тучи, ни наступающее утро. Говорят, что цвет этого зарева никто из очевидцев никогда не мог точно описать. Одни говорили, мол, он был фиолетовый, другие твердили про малиновый, третьи вообще о каком-то нечеловеческом говорили - какого в природе-то и не бывает. Это был свет того, что человеку видеть не положено. Пожарные расчеты уже работали, сбивая пламя с крыш и обильно поливая все вокруг бесполезной водой.

Еще никто не понимал масштаба случившегося.

Станция молчала, как зверь, затаившийся перед зловещим прыжком. Связь работала с перебоями, диспетчеры орали в трубки, перебивая друг друга, матерясь и требуя немедленного соединения с Москвой. В кабинетах начальников горел свет - наверху, уже знали о трагедии, а в Столице как всегда молчали, потому что на такие случаи ни у кого нет инструкций. А и, правда, какие могут быть инструкции, когда четвертый энергоблок разлетелся вдребадан. Все полыхало и смертельная радиация вырывалась наружу, как демон из преисподней. Но самое главное - никто не знал, как ее остановить в кратчайшие сроки.

Иван Ковалев - тогда еще капитан, двадцати шести лет от роду, коренной торжковец, каких поискать, - стоял на крыше общежития и смотрел на это зарево. Ноги затекли, спина занемела от долгого стояния на холодном шифере, глаза слезились от ветра и дыма. Но он не мог уйти, потому что как замороженный смотрел в ту сторону, откуда медленно и неохотно - с какой-то чудовищной грацией – привычное пространство превращалось в ад. У него было странное чувство, что он присутствует при чем-то таком, что потом будут изучать в учебниках истории. И он – часть той катастрофы, которая совсем скоро изменит всё. Это чувство не было при-

ятным. Оно было тошнотворным, как первый глоток спирта на голодный желудок.

Рядом с ним стоял прапорщик Верещагин. Мужик лет сорока, с лицом, изрезанным морщинами и шрамами, с руками, которые помнили и Афган, и неизвестно что еще. Верещагин курил. Прямо здесь, на крыше, под открытым небом, где всюду гулял ветер, но запах гари все равно перебивал табачный дым. Он курил дешевые сигареты без фильтра - затягивался глубоко, с хрипом, как человек, которому было плевать на свое здоровье. Видимо потому что оно существовало по его мнению только для тех, у кого есть будущее, а у Верещагина, кажется, будущего давно не было.

- Ну что, Ваня, - сказал он, выпуская дым в сторону пылающего энергоблока. - Завтра начнется. Как думаешь, много нас живых-то останется?

Голос у него был хриплый, прокуренный, с кавказской растяжкой гласных. Дело в том, что в горах на войне он подцепил эту странную манеру растягивать слова и делать их тягучими, как жвачка. Он два года проторчал в Афганистане - в самом его пекле. Вернулся живым, но не таким, каким был до призыва в Советскую армию. Что-то в нем сломалось там и ни в какую не срасталось здесь.

- Не каркай, - ответил Ковалев, не отрывая взгляда от зарева. - Не люблю, когда каркают.

- Да я и не каркаю. - Верещагин затянулся так, что сигарета зашипела и почти погасла. - Я знаю, что это кабздец. Мне

старшина из штаба сказал - дозиметры зашкаливают. Тысячи рентген. Тысячи, Ваня. Это смерть!

- Да ну?

- Пойми ты, дурья башка, это не патрон, не осколок и не пуля - это радиация. Ты хер ее увидишь и она тебя сразу, конечно, не убьет.

- Ох, ты прям поп Гапон, ей богу!

- Поверь, она тебя, Ваня, будет убивать каждый день... по чуть-чуть. И ты будешь чувствовать, как умираешь. Понимаешь? Будешь чувствовать.

- А ты дозиметр свой давно видел? Или так - словам старшины веришь?

Глава 2

- Видел! - Верещагин повернулся к нему и в свете убийственного зарева его лицо вдруг стало похоже на облизанный беспощадным временем череп. - Я своими глазами видел, как стрелка зашкалила. И не один я видел. Человек пять были свидетелями - у всех показывало одно и то же. Слава богу, что мы не внизу были, а наверху. Те, кто внизу... - он замолчал, снова затянулся сигаретой. - Те, кто внизу, уже трупы. Просто еще не знают об этом.

- Наверху тоже зараженный воздух, - тихо сказал Ковалев. - Он везде. Он не смотрит на то, где ты - внизу или наверху. Он повсюду.

- Это ты правильно сказал. - прапорщик кивнул. - Везде. Он уже в нас. Мы этой дрянью уже надышались, Ваня, дуло-то все время в нашу сторону. Два часа назад особенно - когда мы вышли. Ветер сменился и все, что вылетело из реактора, понесло в нашу сторону. Мы вдыхали это говно. И оно теперь внутри нас.

Они замолчали. Страшная тишина повисла над крышей. Где-то далеко, за домами, выла сирена - то ли на станции, то ли в пожарной части. Стало неимоверно страшно...

Верещагин докурил, потушил окурок о парашют, спрятал в карман. На войне он научился не мусорить - следы выдадут тебя врагу с потрохами – хвосты, образно говоря, привле-

кают внимание, а внимание на войне - явная и неминуемая смерть.

- Послушай, Ваня, - сказал он другим - тихим, почти ласковым голосом, каким обычно говорят с приговоренными к смерти. - У меня есть одна любопытная мысль. Она, скорее всего, безумная. А может, единственно правильная при наших обстоятельствах. Хочешь послушать?

- Какая?!.. - спросил Ковалев, уже зная ответ, потому что всегда чувствовал, когда Верещагин задумывал что-то нехорошее. У прапорщика была идиотская черта находить выход там, где другие видели только стену.

- А ты послушай и не перебивай. Дослушай до конца, а потом говори.

Верещагин оперся о парапет, посмотрел на зарево, прищурился, как охотник, высматривающий дичь.

- Ты знаешь сберкассу на Спортивной?

- Ну, знаю. - Ковалев кивнул. - Каждый военный знает, где сберкасса. Мы же зарплату там получаем. Ходим туда каждый месяц, как на службу.

- А ты знаешь, что там происходит сейчас?

- В смысле?

- Твою дивизию! Да вот в эту самую минуту?

- Деньги, наверное, кто-то получает, как мы. - Ковалев пожал плечами.

- Ох, их пока никто не получал. Да и не просто деньги там по нашим с тобой меркам.

- А что?

- Много денег, Вань. - Верещагин повернулся к Ивану - теперь весь свет горящего в отдалении энергоблока падал ему на лицо, делая его красным, как у вампира. - Сто тридцать тысяч рублей. Сто тридцать тысяч, Ваня! Вся инкассация! Суббота сегодня, понимаешь?

- Ну, суббота, и что?

- А то, что так склалось, что завтра воскресенье.

- И?

- Эти бабки начнут раздавать только в понедельник, а теперь...

- Теперь что?

- Теперь всем плевать и на сберкассу, и на деньги. - Верещагин почти выплюнул эти слова. - Всем на них плевать, как плевать и на нас с тобой. Всем на всё плевать. Там... на станции сейчас такое происходит, что бумажки эти в Ильичом уже никого не интересуют. Понимаешь?

Иван молчал, тупо смотрел на зарево и думал о том, что Верещагин, черт возьми, прав. Радиация не разбирает, кто ты - герой или подлец, честный человек или вор. Она просто методично, неумолимо и равнодушно убивает. Как паровой каток проходит по живым, превращая их в мертвых. И ничего с этим поделать, увы, нельзя...

Верещагин говорил то, о чем он сам боялся думать. Облучение - это не пуля. Эта дура убивает мгновенно - даже боли не успеваешь почувствовать, а вот радиация гасит жи-

вые существа медленно. Месяцами... годами... Она разъедает плоть изнутри подобно серной кислоте, она превращает кровь в воду, кости в труху, а кожу в пергамент. И никто не знает, когда это случится. Может, через месяц, может, через десять лет, может, никогда. Но сидеть и ждать, скрестив руки на груди и опустив голову, - самое страшное, что может быть.

- Я хочу, чтобы моя семья не осталась нищей, - сказал Верещагин. - Жена, дочка. Если я умру - а я умру, Ваня, это уже вопрос времени, - им ничего не дадут. Формуляр пришлют и все. Медаль «За отвагу» вручат, если повезет. Пособие сраное еще... рублей десять в месяц. И все! А жить им дальше как? Как, Ваня? На что? Ты подумай. Моя Ленка в школе учится - в девятый класс перешла. Ей институт нужен, платье там, обувь. А без денег - что? Пойдет на завод, за станок встанет? А через двадцать лет будет такая же старуха, как моя мать?

- А если нас это... поймают? - спросил Ковалев. Голос у него сел и стал хриплым - почти как у Верещагина. - Ты об этом подумал?

- Кто поймает? - Верещагин усмехнулся. Стоит отметить, что усмешка эта была совсем безрадостная. - Здесь уже никого не поймают. Сейчас начнется эвакуация... суматоха... паника... беготня... Никому не будет дела до какой-то там сберкассы. Я такое видел в Афгане - когда духи расхерачивают какую-нибудь нашу базу. Так вот, завтра здесь будет так же и этот чудесный город превратится в призрака.

- Вот это и фантазии у тебя...

- Мертвым он станет, зуб даю. Никто сюда не сунется - ни милиция, ни военные. Все будут думать о себе, о своих семьях, о радиации.

- А мы?

- А мы будем уже далеко.

- А деньги? Как с ними через блок-посты пройти-проехать? Расставят же наверняка вокруг города.

- Не ссы, мы их спрячем. У меня есть место. Надежное. В лесу - в старом бункере, который тут сохранился еще с войны. Там и спрячем бабки. А когда вернемся спустя какое-то время - спокойно заберем. Не все сразу, по чуть-чуть. Чтобы не светиться.

- Гляжу, ты уже все продумал, - сказал Ковалев. Это был не вопрос, а констатация факта.

- Да. - прапорщик кивнул. - Осталось только рискнуть.

- А если за нами следят? Если у кого-то есть приказ расстреливать мародером на месте без суда и следствия? Если...

- Ваня, - перебил Верещагин, положив руку ему на плечо тяжелую руку. - Считай, здесь уже нет никого. Понимаешь? Никого. Мы одни. Нас бросили. Нас использовали и бросили, как ненужный инструмент. Я это знаю. Я на войне был.

Иван смотрел на зарево. Мысли путались, перебивали

друг друга, как пьяные в очереди за водкой. В голове было пусто и так страшно, что хотелось выbleвать смурные мысли и прийти к выводу, что это сон. Он вспомнил мать - маленькую, седую, в старом, застиранном до дыр, но аккуратном халате, который она носила лет пятнадцать.

Мать ждала его в Торжке. Писала письма каждую неделю аккуратным старушечьим почерком, в которых не обронила ни единого слова о болезнях. Он перечитывал ее письма по ночам - при свете фонарика, под одеялом, чтобы соседи по комнате не видели, как он плачет. К слову - мать не знала, что в Припяти каждое утро Ивана начинается с солдатской молитвы:

- Господи, дай мне дожить до вечера.

И каждый вечер:

- Господи, дай мне дожить до утра.

Мать не знала, что ее сын ходит по краю. Впрочем... И не должна была знать об этом...

Он вспомнил Таню Заболотную - девушку, с которой познакомился год назад, когда приезжал в отпуск. Она работала в библиотеке, носила очки в тонкой оправе и смеялась так, что у него сердце замирало.

«Как колокольчик смеялась, - думал он тогда. Как маленький серебряный колокольчик»

Они гуляли по набережной, ели мороженое, целовались на скамейках под старыми липами. Она пахла яблоками и книгами с оттенком особой библиотечной пыли, которая бы-

вает только в старых книгохранилищах. Он обещал вернуться - она ждала и писала письма в Припять, конечно, реже, чем мать, но каждое ее послание для Ивана было как глоток свежего воздуха.

«Приезжай скорее, я соскучилась», - заканчивалось каждое ее письмо из Торжка.

- Ваня, - голос Верещагина вырвал его из воспоминаний.
- Ты со мной?

Иван посмотрел на прапорщика - тот стоял, выжидающе глядя на капитана, в глазах блестела сталь.

- Если мы это сделаем, - сказал Иван, - мы станем не героями, а ворами. Понимаешь? Ворами и мародерами. Таковыми же, как те, кто грабит брошенные дома после катастроф, катаклизмов и войн.

- А мы и так не герои, - ответил Верещагин. - Герои - это те, кто ближе к реактор лезет. Те, кто заслонку закрыл, кто кровью своей пламя сбивает прямо сейчас. Те, кто уже, наверное, умер или умирает там. А мы тут такие красивые на крыше стоим, смотрим на это дерьмо и рассуждаем.

- Ну, не деньги же тырить под шумок?

- А почему не деньги? Это же прекрасный шанс для нас обоих, Ваня! - Верещагин говорил тихо, но каждое слово врезалось в череп, как гвоздь в гробовую крышку. - Шанс

выжить в этом паскудном миру. Не нам выжить, а нашим семьям. Шанс не дать своим родным умереть с голоду. Шанс, понимаешь? Единственный! У нас больше ничего нет - ни орденов, ни званий, ни благодарностей. За появилась прекрасная возможность. Или ты готов, чтобы твоя мать до конца жизни считала копейки, а твоя девушка вышла замуж за другого, потому что ты скоро превратишься в калеку, если... вообще останешься в живых? Ты как знаешь, а не готов к такому раскладу.

Иван закрыл глаза. В веках защипало - то ли от ветра, то ли от дыма.

- Когда начнем? - спросил он, открывая глаза.

- Сейчас, - Верещагин взглянул на старые командирские со светящимся циферблатом часы, - уже светает.

- А охрана?

Глава 3

- Я узнавал. Сторож, дед Пантелей, наверное, уже домой сбежал - своим пороссятам и курам.

- А сигнализация?

- Нет ее от слова «совсем». Это тебе не Москва, Ваня. Припять - город хоть и молодой, но сигнализацией обеспечен только местный ювелирный - который в универмаге, да в военкомате. А сберкасса - так, мелочь.

- Откуда ты все это знаешь?

Верещагин усмехнулся:

- У меня очень много друзей. Они есть даже там, где и не надо бы их иметь.

Капитан почесал в затылке.

- Ладно, я с тобой.

- Отлично! Я знал, что ты не дурак.

- Ну, а если нас все-таки кто-нибудь увидит?

- Кто?

- Из соседних домов.

- Не увидят. - Верещагин был спокоен, как удав. - А если увидят - не вспомнят. Потому что через месяц здесь уже не будет ни одной живой души. Никто не захочет вспоминать то, что вот-вот начнется. И, тем более, никто не захочет сюда возвращаться. Даже мы с тобой.

Они спустились с крыши по стальной лестнице - нетороп-

ливо, ступенька за ступенькой, бесшумно прошли мимо спящих комнат, в которых храпели еще ничего незнающие сослуживцы.

Верещагин прихватил сумку с ремнем через плечо. В ней лежали две тяжелые, железные монтировки, завернутые в тряпку, чтобы не греметь. А еще два фонаря - основной и запасной, рабочие перчатки на пять пальцев, да еще какая-то мелочь.

Двигатель «Жигулей» заурчал, чихнул и заработал - надрывно так и очень неуверенно, почти как больной туберкулезом после долгого постельного режима. Верещагин выжал сцепление, воткнул первую, и машина, дернувшись, выкатилась со двора. Совсем скоро их квартал остался позади.

На проспекте в зеркале заднего вида было видно, как зарево над четвертым энергоблоком становится всё больше и больше, как оно расползается по небу.

Минут через пять (после остановки) на заднем сиденье, тесно прижавшись друг к другу, сидели трое. Первого звали Лёхой Коршуновым, служившим вместе с ними старшиной. Ему было на тот момент под тридцать - коренастый, плот-

ный, с бычьей шеей и руками, способными переломить ко- чергу. Второго с заднего сиденья Иван знал, как Генку Се- реброва - сержанта из второго взвода, тощего, жилистого, с цепкими глазами и отчего-то вечно дрожащими пальцами. Третьим был Саша Бессонов - младший сержант, самый мо- лодой, самый тихий, с лицом мальчика из провинциального городка и огромными, не по возрасту, темными кругами под глазами. Он всю дорогу молчал и просто смотрел в окно.

- Ну что, орлы? - спросил Верещагин, покосившись в зер- кало заднего вида. - Домчимся - разберемся?

- Домчимся, - ответил Коршунов. Голос у него был низ- кий, рокочущий, как у кочегара. - Куда ж мы денемся с под- водной лодки?

- И поделим? - спросил Серебров. Пальцы его продолжали нервно плясать на коленях.

- А то ж! - кивнул Верещагин. - Всё по-честному, все, ко- нечно и бесповоротно, по-братски.

Они ехали по пустой трассе «Киев – Москва», превратив- шейся сейчас в асфальтовую ленту, уходящая в серую пред- рассветную дымку. С одной стороны находились покрытые молодой апрельской зеленью поля, с другой раскинулся тем- ный, настороженный, как затаившийся зверь лес. Небо на Востоке тихонько светлело.

Иван сидел на переднем пассажирском месте, смотрел на дорогу и думал о матери, Тане и о том, что он никогда раньше ничего чужого не брал. Ничего! Даже в детстве, когда пацаны во дворе таскали яблоки из чужих садов, он стоял в стороне. Не потому, что боялся, а просто считал, что чужое не трогают. А теперь? Теперь... Ха-ха, как говорится, два раза - теперь он вез в багажнике сто тридцать тысяч рублей, принадлежавших кому угодно, но только не ему. Внутри у него было тошнотно и пусто - словно он проглотил нечто гнилое, а выплюнуть не может.

- Ваня, - сказал Верещагин, не поворачивая головы. - Нессы. Мы всё правильно сделали.

- Правильно? - Иван усмехнулся. - Это ты называешь правильным?

- А что не так? Мы спасли эти деньги. Понимаешь? Спасли! Если бы они остались там - в этой долбанной сберкассе, то через месяц-другой их бы, в лучшем случае, разворовали, а по правилам сожгли и закопали пепел в землю. А так они пойдут на дело - семьям нашим, тем же детям. На жизнь.

- Красиво говоришь, - сказал Коршунов с заднего сиденья. - Прямо как агитатор.

- А я и есть агитатор, - огрызнулся Верещагин. - Я вас всех сюда привел, я за вас отвечаю. Так что не нойте.

- Я не ною, - Коршунов откинулся на сиденье, сложил руки на груди. - Я просто думаю.

- О чем?

- О том, что обратной дороги нет. И что нам все теперь с этим жить.

- А вот это верно - дальше жить надо, - сказал Серебров. Пальцы его наконец успокоились и замерли. – Рано или поздно это всё утрясется.

- А если нет? А если нас убьет радиация? - тихо спросил Бессонов, не отрывая взгляда от окна.

Все замолчали. Даже Верещагин. Тишина в машине стала тяжелая - как свинцовое одеяло, в котором так нуждался в эти минуты развороченный реактор. Даже стало слышно, как шуршат шины по асфальту, как в моторном отсеке монотонно постукивает клапан и даже как Серебров сглатывает вязкую слюну.

- Не убьет, - сказал наконец Верещагин. – По крайней мере, не сразу, а, может, вообще не убьет. А если и убьет - наши хоть что-то получают. Не за так мы тут горбатились все эти годы.

- Мы не заработали эти деньги, - поправил Иван.

Верещагин повернул к нему голову и в свете фар встречной машины его лицо стало резким, угловатым, как у какого-нибудь мрачного персонажа со старых гравюр.

- Строго говоря, нас бы к реактору не подпустили. Туда отправили особый контингент, ты сам это знаешь. А свою работу мы делали честно не один год - вот за нее должны платить по-честному. Как, собственно, пацанам с крыши четвертого. Сказали бы, и мы все туда полезли. Но вот получи-

лось иначе. И никто из нас в этом не виноват.

- А если государство не платит? - спросил Серебров.

- Значит, мы платим сами себе. - Верещагин похлопал рукой по рулю.

«Жигуль» мчался на Восток. Лес вскоре закончился, начались поля - бескрайние, уходящие до самого горизонта, где небо сливалось с землей в молочной дымке. По обочинам молчаливо глазели оконцами маленькие домики, кряхтели покосившиеся заборы и болезненно охали остовы сельскохозяйственной техники, брошенные здесь еще при царе Горохе. Жизнь в этих краях текла неторопливо – видимо потому, что местные еще не знали, что где-то на Западе мир перевернулся и встал с ног на голову.

- Как мы их поделим? - спросил Коршунов, нарушив затянувшееся молчание.

- Нормально поделим, - ответил Верещагин. - У меня есть схрон в лесу под Торжком. Там старый бункер еще с войны. Никто не найдет. Вернемся домой, пройдет хотя бы пол года - начнем брать понемногу, чтобы не светиться.

- А если кто-то проболтается? Спьяну или еще как... - Серебров покосился на Бессонова.

- Я точно не проболтаюсь, - сказал Бессонов, даже не повернув головы. - У меня язык, если что, всегда за зубами.

- И у меня, - добавил Коршунов. - Я могила.

- Все вы могилы, - усмехнулся Верещагин. - До первой пьянки. Поэтому денег сразу никто не получит. Я буду их

хранить и выдавать по всеобщему согласованию.

- А если ты того? - спросил Иван.
- Чего того? – не понял прапорщик.
- Умрешь...
- Да иди ты нахер, придурок! Не дождетесь!

Глава 4

Вопрос повис в воздухе, как граната с выдернутой чекой.

- Да хорош обижаться, - опомнился Иван, - но если и, правда, с тобой что-то произойдет?

- Если я умру... - медленно сказал Верещагин, - тогда деньги достанутся всем вам поровну. Но только после того, как моя дочка получит свою долю.

- А твоя дочка одна будет знать, где находится схрон? - спросил Коршунов.

- Ты дурак или где?

- Нет, ну, я серьезно!

Верещагин почесал в затылке.

- Там, на крыше, пока вы спали и даже не догадывались об аварии на АЭС, я все продумал - у меня всё расписано. А к схрону мы едем вместе. С чего ты взял, что только она будет знать?

- Диктатор, - буркнул Серебров.

- Не диктатор, а самый старший из всех присутствующих. Я вас туда приведу, я оттуда и выведу. - Верещагин утопил педаль газ в пол и машина рванула вперед. - Вы только представьте, что нам за сделанное ничего не будет!

Они снова замолчали. Каждый думал о своем. Мысли Ивана были заняты матерью и ее радостью от того, что он приедет. Купит ей новое пальто с натуральным воротником в

«Березке» (ну, а что тут такого?), югославские сапоги фирмы «Костана» и, конечно, мраморной говядины, о которой она рассказывала, попробовав разок во время правления Хруща. А вот о том, что каждый раз, когда он будет тратить эти деньги и вспоминать эту ночь, думать совсем не хотелось. Может, потому что за оставшимся позади заревом над четвертым энергоблоком таились смерти очищавших крышу ребят, которых он лично знал?

- Верещагин, - сказал он.

- А?

- Ты не боишься, что мы теперь прокляты?

- В смысле?

- Ну, не знаю, как у Высоцкого в песне о карме.

- Мм-м, вообще тебя сейчас не понял...

- Кто верит в Магомеда, кто в Аллаха, кто в Иисуса! Ну!

- Так бы сразу и говорил. А то карма какая-то...

- И?

- Ваня, - устало сказал Верещагин. - Я атеист. В Припяти творился сущий ад. Мы в нем выжили. А выжившим всё прощается. Понимаешь? Абсолютно все. Хорошо, что наших семей там каким-то чудом не оказалось.

- Не всё, - тихо сказал Бессонов.

Все обернулись к нему. Он сидел и глядел в окно - на его щеке блестела слеза.

- Бессонов, ты чего? - спросил Коршунов.

- Ничего, - ответил он, не оборачиваясь. - Просто вспом-

нил. У меня там, в Припяти, знакомая девушка была - работала в универмаге. Мы с ней... ну, вы понимаете. А теперь я не знаю, жива ли она, эвакуировалась ли, да и вообще, что с ней теперь будет?

Верещагин махнул рукой. Иван закрыл глаза. В машине запахло бензином.

- Сколько нам еще ехать? - спросил Коршунов.

- Часа три до Чернигова, - ответил прапорщик. - А потом еще до Торжка. Дорога дальняя.

- А далеко твой бункер?

- Недалеко. Километров десять от города. В лесу. Я его еще прошлой осенью нашел, когда на охоту ездил.

- Один?

- Ага.

- И что, никому о нем не сказал?

- Не-а. - Верещагин усмехнулся. - Но зато вам теперь сказал.

- Похвально, - хмыкнул Коршунов.

- Не похвально, а накладно. - Верещагин достал сигарету, прикурил от зажигалки. - Если мы попадемся, всем будет плохо - и мне, и вам. Так что будем держать языки за зубами.

- Да уже говорили на этом счет. Сколько можно? - недовольно произнес Серебров.

Салон чуда отечественного автопрома вновь погрузился в тишину. Иван думал о том, что теперь все они связаны. Не только деньгами, но и зловещей тайной. И что эта связь от-

ныне и навеки вечные прочнее стали и страшнее смерти. В Италии это называется омертой - кодексом молчания, чести и поведения, действующим среди организованной преступности, называемом там странным словом «Мафия».

- Ваня, - сказал Верещагин. - А ты чего молчишь?

- Думаю.

- О чем?

- О том, что мы уже сделали и о том, что теперь с этим делать.

- Жить будем, - коротко ответил Верещагин. - Жить и не оглядываться.

- А если оглянемся?

- Сразу увидим то, от чего волосы дыбом встанут. Думаешь, я всю жизнь мечтал обнести сберкассу?

Иван пожал плечами.

- Нет, друг мой. Но обстоятельства сложились так, что шанс стать людьми и ни в чем себе не отказывать упускать было никак нельзя.

Они молчали. Дорога шла через лес. Деревья теснились с обеих сторон, смыкаясь над головой в плотный темный свод. Светало, но здесь, под кронами, было еще сумеречно, сыро и зябко.

Глава 5

- Верещагин, - сказал вдруг Бессонов.

- А?

- Это еще хорошо, что наши семьи не жили в Припяти.

- Это да.

- Иначе бы пришлось сейчас заниматься только ими.

- И все-таки, что мы им скажем?

- Скажем правду, - ответил Верещагин. - Только не всю.

Скажем, что участвовали в ликвидации, видели страшное и очень устали. А про деньги...

- Ну!

- Скажем, что получили компенсацию от государства.

- Смеешься?

- Нет. За особые заслуги.

- А если проверят? - спросил Серебров.

- Не проверят. Кому это надо? Там, в Москве, сейчас другие заботы. Им не до нас.

- А если всё-таки проверят?

- Тогда будем отнекиваться или скажем, что нашли...

- Что?

- Да хоть клад.

- Клад, - усмехнулся Коршунов. - Тоже мне версия - сто тридцать тысяч.

Иван смотрел на дорогу - впереди, в просвете между де-

ревьями, показалось светлое, серо-голубое и почти мирное небо. Все так, если, конечно, не знать, что там, за горизонтом, еще дымится реактор и ветер дует таким образом, что сопредельным ближним и дальним территориям придется не кисло.

- Останови, - сказал он вдруг.

- Зачем? - не понял Верещагин.

- Останови, говорю, ну, хотя бы на минуту.

Верещагин пожал плечами, съехал на обочину, заглушил мотор. Иван открыл дверь, вышел из жигуля наружу. Зловещая тишина мгновенно ударила в уши. Остальные следом за ним вывалились из салона. Они встали на обочин - пять мужчин в военной форме, глядящих на восток. Солнце еще не взошло, но уже окрасило край неба в бледно-розовый цвет.

- Красиво-то как... - пробормотал Бессонов.

- Ага, - согласился Коршунов.

- Ничего красивого лично я не вижу, - оборвал их Верещагин. - Это радиация так светится. Она проникает сквозь всё. Даже сквозь небо.

- Не каркай, - попросил Иван.

- Не каркаю я, а констатирую факт.

Они постояли еще минуту - молча, каждый со своими мыслями. Потом сели в машину, затахтел двигатель и жигуль поехал дальше.

Через две недели Припять опустеет. Через месяц на въездах поставят блокпосты, выставят оцепление и никто не сможет войти в город без спецпропуска. Через год Сберкасса ограбят снова, выломав дверь и взломав сейф, но там уже ничего не будет, потому что всё уже забрали те, кто продолжил путь из ада в мирную жизнь. А пока вокруг дышали неизвестностью темнота и тишина. Пятеро мужчин в военной форме везли в багажнике стареньких «Жигулей» сто тридцать тысяч рублей, пахнущих типографской краской и одной на всех бедой.

Иван смотрел в окно на проплывающие мимо поля, просыпающиеся унылые деревни и редкие огни в домах - люди все еще спали и не знали, что мир изменился навсегда. Он думал о матери и Тане, а еще о том, что теперь может им хоть как-то помочь. Мысли были и о грузе в багажнике, который он теперь всегда будет носить с собой.

- Верещагин, - сказал он.

- А?

- Ты боишься?

- Чего я должен бояться-то?

- Рака, например, смерти от радиации.

Верещагин нахмурился и помолчал. Дорога была пустой

- только деревья мелькали за окном, да изредка попадались встречные военные и гражданские машины. Да, почти все смекнули, что почем и уезжали, точнее, спасались, а еще точнее – бежали так, что невозможно было разглядеть сверкающих пяток.

- Боюсь, - ответил Верещагин, наконец. - Но больше боюсь, что моя дочка, оставшись без отца, останется без денег. Сейчас же у нее есть хотя бы что-то реальное... осязаемое... На что можно купить хлеба, молока, да и одеться по-человечески.

- А если в жизни главное – не деньги? - спросил Серебров с заднего сиденья.

- А что тогда? - Верещагин повернул голову, сперва взглянул на Ивана, потом на остальных. В его глазах читалась такая глубокая усталость, что её невозможно было вычерпать из переполненной души ведрами.

- Главное – жить так, чтобы не стыдно было, - тихо сказал Бессонов.

Все замолчали. Наверное, потому что несколько часов назад переступили черту, отделяющую человека от зверя, за которой нет возврата назад.

Рассвет разгорался. Бегущая вперед лента дороги вела в неизвестность, позади оставался мертвый город, с которым

случайные грабители были связаны навсегда кровью, деньгами и совестью.

- Может, зря мы это сделали? - спросил Коршунов, когда лес снова расступился и открылось поле.

- Не зря, - отрезал Верещагин. - У нас не было выбора.

- Выбор есть всегда, - сказал Иван. - Свой мы сделали.

- Сделали. - Верещагин ударил руками по рулю. - Мы выбрали жизнь, все остальное пусть катится к черту.

- А если это не жизнь, а проклятие? - внезапно спросил Бессонов.

- Тогда будем жить с ним. - Верещагин достал очередную сигарету, прикурил от зажигалки. - До конца своих дней.

- А когда наступит этот конец? - Серебров посмотрел на него с укоризной.

- Никто не знает. Может, завтра, может, через десять лет, может, мы вообще всех переживем.

- Это вряд ли, - усмехнулся Коршунов.

- Посмотрим.

Солнце наконец показалось из-за горизонта - багровое и какое-то геометрически-неправильное.

- Доедем до города - позвоню, - сказал Верещагин.

- Кому? - спросил Иван.

- Своим. Скажу, что жив-здоров. Волнуются же, как и ваши. Тоже им позвоните. Небось, извелись.

Верещагин шумно выдохнул табачный дым.

- Мы им нужны живые. Мертвые никому не нужны. Ваня,

- жигуль в этот момент въехал на трассу «Киев-Москва».

- Что?

- Ты прости меня, если что.

- Ты о чем?

- Короче, прости, что втянул тебя. Да и вы, ребята, тоже.

Так говорю, на всякий случай.

Иван посмотрел на него - Солнце осветило старое, усталое, но не злое лицо прапорщика.

- Позняк метаться, - ответил Иван. – Каждый из нас пошел на это сознательно.

- Ну, да, поочередно сказали остальные.

- Как скажите. Но я извинился перед вами.

Машина набирала скорость. В брезентовой сумке, лежали сто тридцать тысяч причин не жалеть о том, что уже было сделано, и сто тридцать тысяч причин жалеть об этом всю оставшуюся жизнь.

- Слушайте, - сказал Коршунов, когда машина въехала на мост, переброшенный через небольшую речушку. - Давайте договоримся: мы об этом никогда больше не вспоминаем. А, как вам идея?

- Я не против, - сказал Верещагин.

- Обоюдно, - сказал Иван.

- Хорошо, - эхом отозвались Серебров и Бессонов.

Пятеро мужчин ехали домой для того, чтобы в тихом Торжке начать новую жизнь и навсегда оставить тень прошлого в сердце погибшего реактора...

Глава 6

1987 год. Торжок.

Древний, тихий, провинциальный город, стоящий на берегу Тверцы, представлял собой место, где время текло медленно, люди живут размеренно, почти по-деревенски, а главные события, происходящие здесь, не более чем субботние рынки, на которых обычно торгуют картошкой и солеными огурцами. Ну и еще воскресные службы в Борисоглебском монастыре - старухи в черных платках их особенно любят, обильно крестятся и отбивают поклоны перед местным батюшкой почти до самой земли. Впрочем, случаются в Торжке еще и редкие приезды туристических групп. Тут уже в ход идут фотографирование того самого любимого старухами храма - эти уезжают так же внезапно, как и появляются. Ничего удивительного, ибо смотреть в этом городке больше-то и нечего...

Торжок не любил суеты, громких слов и громких людей. Он любил покой, размеренность и предсказуемость. Но в тот

день, когда Иван Ковалев сошел с поезда, покой этот дал тонкую, едва заметную, но глубокую трещину – почти такую же, как на льду перед ледоходом.

Вокзал встретил Ивана запахом угля, дешевых пирожков с ливером – тощих, с серой начинкой, которые вечно пекла тетя Клава в ларьке у выхода. Но это был дом и капитан, наконец, вернулся в него из настоящего ада.

Он стоял на перроне, щурился от уже почти майского, теплого, но все еще обманчиво-ласкового апрельского солнца и не узнавал себя. Видимо потому, что за десять минут до этого в мутном зеркале вагонного тамбура он увидел не себя, а отвратительного незнакомца – с лысиной в пол головы, серым, почти землистым лицом покойника и глубоко впавшими глазами, в которых застыла неестественная чернота.

Иван поднес руку к лицу и заметил мелкую дрожь, появившуюся еще в Припяти и не проходящую до сих пор. Казалось, что внутри капитана Ковалева завелся микроскопический, злой механизм, который тикает, тикает, тикает и остановить его не представляется невозможным.

- Сто двадцать рентген, - пробормотал он, глядя на карманный дозиметр, пристегнутый к нагрудному карману. Цифры на индикаторе выглядели пугающе. Дозиметр врал или не врал? Ковалев, если признаться, ничего уже не понимал.

Он поправил кепку – головной убор, который теперь носил, пряча под ним лысину, – и шагнул в город так, будто

ступил на минное поле. Ну да, по сути, так оно и было...

Улица Советская встретила его привычной тишиной частных домиков с резными наличниками и палисадниками, где уже проклюнулись первые желтые, красные, полосатые, как флаги неизвестной державы тюльпаны. Старухи на лавочках были такие же, как в Припяти - знающие абсолютно всё про абсолютно всех. Они проводили ликвидатора цепкими, как рыболовные крючки взглядами. Бабки, как это заведено, уже все знали, а, быть может, только догадывались или просто чувствовали, что таким, как он, не место среди живых.

- Здравствуйте, Марья Ивановна, - сказал Иван, проходя мимо одной из них.

- Здравствуй, сынок, - ответила старуха. - С возвращением.

И добавила тихо, себе под нос, но так, что он услышал:

- Горе-то какое... молодой совсем... и уже лысый...

Иван не обернулся, потому что за год после аварии на ЧАЭС привык к запахам, которых отродясь не было в нормальной природе, звукам, которых никогда в жизни не издавал ни один привычный человеку механизм. К тишине, на самом деле не являющейся тишиной, он тоже давно привык. А к тому, что люди смотрят на тебя как на мертвеца, тем более привык, потому что ты и есть на самом деле настоящий

мертвец, до сих пор сохранивший способность передвигаться самостоятельно.

Дом, в котором он вырос, прятался за раскидистой кроной древнего дуба в конце улицы Ленина. Это была так называемая «Сталинка» - серая, обшарпанная, с высокими потолками и толстыми стенами, помнящими войну, эвакуацию и голод. Здесь до сих пор пахло мамиными пирогами, но к их аромату давным-давно прибавились неприятные оттенки лекарств.

Иван поднялся на второй этаж. Дверь была приоткрыта - наверное, его ждали. Он просто толкнул ее от себя и прошел в квартиру. В прихожей было темно. Пахло нафталином. Из кухни доносились звон посуды, шуршание и негромкое пение. Мама! Она, когда готовила, всегда пела старые романсы, которые никто уже толком-то и не помнил - кроме нее, конечно.

- Мам, - позвал он.

Звук посуды оборвался. На секунду в квартире повисла напряженная тишина. Затем послышались быстрые шаги, скрип половиц - и она появилась в дверях. Маленькая, седая, в стареньком, застиранном до дыр, но аккуратно-выглаженном халате.

- Сынок... - прошептала она. - Господи, сынок... Живой ли

ты, ответить, или мне ты просто мерещишься?

- Живой, мам. - Он шагнул к ней, нежно обнял, тотчас почувствовав, хрупкость ее плеч и биение испуганного сердца.
- Живой.

Она тихо и беззвучно заплакала.

- А волосы?!.. - удивилась она, отстранившись и разглядывая его лицо, лысину и серую кожу. - Волосы-то твои, сыночек, где?

- Да вот потерял, но они вылезут, мам. – Иван натянуто улыбнулся. – Так мне врачи сказали.

Она не поверила - он знал, что так и будет, но врать приходилось едва ли не на бегу. Почему? Да потому что правда была страшнее лжи – она пряталась в дозиметре и черноте глаз, которую, как не старайся, невозможно было скрыть. Правда была в том, что он медленно, незаметно, но верно умирал подобно свече с жухлым фитилем.

Вечером они сидели на кухне. Мать налила в граненые стаканы с подстаканниками крепкий черный чай. Поставила на стол вазочку с густым, кислым смородиновым вареньем и пироги, которые он любил с детства - с капустой, яблоками и мясом.

Глава 7

- Ты чего это тут воду разводишь? - спросил Иван.

- Кот, - всхлипнул мальчишка.

- Какой кот?

- Кот залез на крышу, а я не могу его снять.

Иван поднял голову. На самом краю крыши трансформаторной будки сидел рыжий кот и смотрел вниз испуганными глазами.

- Слезай! - крикнул Иван.

Усатый громко мяукнул, но с места даже не сдвинулся.

- Ладно, - вздохнул Иван. - Сейчас.

Он подошел к будке, ухватился обеими руками за приваренные к крыше скобы и подтянулся, благо силы еще позволяли. Еще немного, еще чуть-чуть и... Но, видать, мироздание сегодня дало маху – Иванова рука стала скользить по ржавому металлу, он повис на злополучных скобах, как вялая сосиска, а потом сорвался с них и ударился коленом о бетонный блок, торчащий из земли у основания трансформаторной будки. Боль мгновенно пронзила все его тело - острая, колючая и подлая. Да что там... Ивана, как током ударило.

- Ай, ёшкин же кот! - воскликнул он.

В это мгновение, ликвидатор вдруг почувствовал нечто совершенно необъяснимое. Нет, не боль! Внутри его тела -

глубоко, в области солнечного сплетения – как будто приоткрылась небольшая дверца. И оттуда наружу потоком хлынуло... как из печки, открытой настежь в банный день, обжигающее тепло.

Кот мяукнул, сиганул вниз, молнией пробежал по ноге Ивана и удрал. Мальчишка глянул на помощника, схватившегося рукой за разбитое колено, покрутил указательным пальцем у виска и побежал за скрывшейся вдали полосатой шантрапой.

Иван остался сидеть у трансформаторной будки, глядя на руку, которой ударился о злополучный бетонный блок. Он закатал брючину и обомлел - кровь из разбитого колена уже не текла, а довольно-таки немаленькая рана затягивалась прямо на глазах. Иван четко понимал, что так не бывает, но реальность кричала об обратном, потому что секунд за двадцать рана полностью... зажила...

- Не может быть, - сухими губами прошептал он и потрогал колено – кожа на нем была чистой, как у младенца – ни единого намека на ссадину, синяк и, тем более, шрам.

- Не может быть, - повторил он.

Дозиметр! Ликвидатор быстро вытащил его из нагрудного кармана и посмотрел на показания: двести... пятьсот... тысяча микрорентген в час. Как так? И где тут, у чертовой кошачьей трансформаторной будки, источник радиации?

Нужен был ответ.

- Что со мной? - спросил он у воробья, сидящего на про-

водах, тот отбрехался невнятным чириканьем и улетел.

Капитан встал. Колено вообще не болело. То есть, совсем. А вот тепло в груди продолжало гореть...

- Черт, может, ты сломался? - взгляд Ивана продолжал сверлить дозиметр.

Дома он положил свихнувшийся дозиметр на стол. На показания смотреть даже не хотелось. Но смотреть все равно пришлось. Семьдесят... шестьдесят... пятьдесят... Показания медленно падали, а ближе к ночи остановились на двадцати микрорентгенах в час, что по всем параметрам считалось нормой и не должно было пугать.

- Может, дело не во мне, - сказал он вслух. - Или во времени? Или в месте, где я нахожусь?

Ответа ликвидатор не знал. Да он вообще ничего не знал кроме одного: или мир перестал быть прежним, или он в прежнем мире изменился до полной неузнаваемости. А еще Ивану стало казаться, что они притащили с собой из Припяти нечто такое, что начало прорастать рядом с ним подобно спорам грибов, высаженный в теплом и влажном месте.

Через три дня он встретил Верещагина. Тот стоял на углу

Советской и Калинина, курил и смотрел в небо. Капитану он показался постаревшим, осунувшимся, но с таким же серым лицом, как и у него самого, ну, и с такой же противной лысиной.

- Товарищ прапорщик!

- О, старший лейтенант, - ответил Верещагин. – Да ты живой, как я погляжу!

- Живой. А ты?

- Как видишь.

Они продолжали негромко болтать, люди обходили их стороной, как обходят юродивых.

- Как денюжки поживают? - спросил Иван.

- Спрятаны. - Верещагин затянулся вонючим дымом. - В надежном месте.

- Когда отдашь?

- Не сейчас. Всему свое время.

- А если мы умрем раньше, чем наступит это самое твое время?

- Значит, не судьба.

Иван хотел спросить про книгу, радиацию и про случай у трансформаторной будки. Очень ему уж хотелось понять: один он такое испытывает на собственной шкуре или есть коллеги по непознанному? Хотел спросить, но... не спросил, потому что понял: у Верещагин тоже нет ответов, а если и есть, то не поделится ими ни с кем.

- Как ты? - спросил Иван.

- Да хреново, чё уж, - Верещагин выдохнул дым. - Но жить-то надо.

- Надо, - согласился Иван.

Они пожали друг другу руки - Верещагинская показалась капитану какой-то слишком горячей, совсем как у человека с температурой под сорок.

- У тебя жар? - спросил Иван.

- Нет. - Верещагин усмехнулся. - Это теперь у меня всегда так.

Вскоре прапорщик ушел, капитан смотрел ему вслед, пока сутулая фигура не растаяла в сумерках.

Ночью ему снова приснился Припять. Но теперь она была другой, не мертвой как предполагалось, а живой - с людьми, собаками и беззаботными детьми на качелях. Иван шел по улице Спортивной и видел тех, кто по разным причинам остался в проклятом городе. Они смотрели на него пустыми глазами и молчали.

- Зачем вы взяли чужое? - внезапно спросил голос из сбер-кассы.

- Не знаю, - испуганно ответил Иван.

- Теперь вы... наши...

Он проснулся с диким криком. Мать сразу прибежала на него, обняла сына и стала успокаивать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.